

Рец. на кн.: PATRICK STEVENSON. *LANGUAGE AND MIGRATION IN A MULTILINGUAL METROPOLIS: BERLIN LIVES.*

Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 202 p.

Динара Сагиндыковна Степина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований РАН,
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
dsatanova@eu.spb.ru

Аннотация: В книге предлагается взгляд на большие города прежде всего как на фактически многоязычные пространства вопреки «монолингвальному габитусу» городов Европы. Несмотря на то что языковое разнообразие городов в последнее время рассматривается как относительно новый феномен, возникший в силу интенсификации миграционных процессов, исторические факты говорят о том, что многие европейские города традиционно находились в самом центре географической мобильности, что непременно отражалось на их языковом ландшафте. В работе делается попытка закрыть сразу два пробела в методологии городской социолингвистики на примере Берлина — проблему невидимости языков мигрантов, а также недостаточную представленность анализа языковых биографий в социолингвистических исследованиях.

Ключевые слова: городское многоязычие, языковой ландшафт, социолингвистика, миграция, языковые биографии.

Для ссылок: Степина Д. Рец. на кн.: Patrick Stevenson. *Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives.* Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 202 p. // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 173–185.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-173-185

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/stepina.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 44

A Review of PATRICK STEVENSON, *LANGUAGE AND MIGRATION IN A MULTILINGUAL METROPOLIS: BERLIN LIVES.*

Cham: Palgrave Macmillan, 2017, 202 pp.

Dinara Stepina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
dsatanova@eu.spb.ru

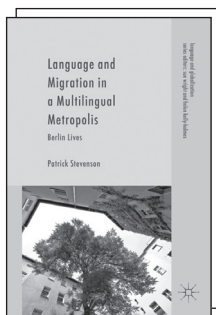
Abstract: The present book proposes a perspective of big cities as multilingual spaces despite the “monolingual habitus” of European metropolises. Even though urban linguistic diversity is widely considered a recent phenomenon due to the latest intensification of migratory movements, historical records indicate that many European cities have traditionally been at the heart of geographical mobility which has significantly shaped their linguistic landscapes. The book is an attempt to cover the two methodological lacunae in urban sociolinguistics using the example of Berlin: the invisibility of immigrant languages and the underrepresentation of language biographies in sociolinguistic research.

Keywords: urban multilingualism, linguistic landscape, sociolinguistics, migration, language biographies.

To cite: Stepina D., ‘A Review of Patrick Stevenson, *Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives.* Cham: Palgrave Macmillan, 2017, 202 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 44, pp. 173–185.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-173-185

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/stepina.pdf>

Рец. на кн.: **Patrick Stevenson**. *Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 202 p.

В книге предлагается взгляд на большие города прежде всего как на фактически многоязычные пространства вопреки «монолингвальному габитусу» городов Европы. Несмотря на то что языковое разнообразие городов в последнее время рассматривается как относительно новый феномен, возникший в силу интенсификации миграционных процессов, исторические факты говорят о том, что многие европейские города традиционно находились в самом центре географической мобильности, что непременно отражалось на их языковом ландшафте. В работе делается попытка закрыть сразу два пробела в методологии городской социолингвистики на примере Берлина — проблему невидимости языков мигрантов, а также недостаточную представленность анализа языковых биографий в социолингвистических исследованиях.

Ключевые слова: городское многоязычие, языковой ландшафт, социолингвистика, миграция, языковые биографии.

“Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives”, посвященная многоязычию в городском пространстве Берлина, вышла в социолингвистической серии “Language and Globalization” издательства “Palgrave Macmillan”. Целью серии редакторы называют разработку теоретических рамок для описания и анализа того, как глобализация и адаптация к новому языковому окружению влияют на языковой ландшафт. Однако монография Стивенсона, по выражению одного из рецензентов издательства, пересекает жанровые границы. В своей работе автор сумел отойти от привычных ему рамок академического изложения и мастерски применил элементы сторителлинга, не пожертвовав академической точностью.

В основу книги легли истории пяти жителей берлинского района Нойкёльн, прибывших в разное время из разных стран и поселившихся в пятиэтажном доме на Марештрассе. Их родные (первые) языки и связанные с их языковым репертуаром особенности биографий стали своеобразным ядром, вокруг которого строится повествование о языковом разнообразии Берлина и о разных волнах миграции, в значительной мере сформировавших это разнообразие.

Динара Сагиндыковна Степина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
dsatanova@eu.spb.ru

Крайне актуальная тема взаимоотношений языка и миграции в большом городе, традиционном центре притяжения внутренних и транснациональных мигрантов, широко освещалась в работах многих исследователей на материале американских и европейских городов¹. Однако монография Стивенсона, как отмечает он сам, несколько отличается от прочих исследовательских трудов и представляет собой некое подобие социолингвистического романа, героями которого стали не только люди, но и их языки.

Первая часть книги служит своеобразным введением в проблематику исследования и открывается цитатой из Ингрид Гоголин о несбалансированности наших знаний о языках [Gogolin 2010: 530]. В то время как сведения о количестве носителей, ареале распространения и витальности определенного языка легко можно раздобыть, используя данные переписей и социолингвистических исследований, миграция и концентрация множества языков в городских пространствах порождают новые вопросы, связанные с использованием языков в различных ситуациях и их ролью в жизни людей.

Далее Стивенсон делает краткий обзор измерений, в которых следует рассматривать многоязычие в городе: в первую очередь это знание языков / владение языками и языковые практики. Сведения о владении языками, как правило, черпаются из данных переписей и опросов — автор перечисляет крупные европейские города, в которых при помощи так называемых опросов о домашних языках (*home language surveys*) обнаружилось большое количество используемых языков — вплоть до 233 языков у школьников в Лондоне [Eversley et al. 2010]. Языковые практики же рассматриваются автором с разных точек зрения: как так называемые городские мультиэтнолекты (или *hybrid urban vernaculars*), возникающие в определенных пространствах города на стыке языковых контактов, и как языковые инновации, связанные со смешением языков для достижения конкретных коммуникативных целей (то, что в социолингвистике традиционно называется *translanguaging* [Canagarajah 2011; Lewis et al. 2012]).

Стивенсон отмечает, что своим исследованием он делает попытку добавить третье, биографическое, измерение многоязычия, в частности проанализировать рефлексия тех, кто имеет различный опыт миграции и чей опыт проживания языка (“*lived experience of language*”) тем или иным образом сформировал, по выражению автора, их «транснациональные жизненные

¹ См., например: [Extra, Yagmur 2002] о городском многоязычии в Европе и [García, Fishman 2002] о языковом ландшафте Нью-Йорка.

миры» (Р. VII). Пролог насыщен ссылками на различные работы, затрагивающие тот или иной аспект многоязычия и изучения языка в городе — от понятия «языкового репертуара» до социолингвистического нарратива как метода исследования, что, безусловно, окажется крайне полезным для начинающих исследователей языкового ландшафта в городе и социолингвистов в целом.

В первой главе Стивенсон ставит множество вопросов к представлениям о миграции и объясняет, чем был обусловлен его выбор конкретных людей, биографические нарративы которых он анализирует в четвертой главе. Однако по какой-то причине свои размышления автор иллюстрирует деталями практически только одной биографии — Людмилы, одной из так называемых аусзидлеров, прибывших в Германию из постсоветского пространства в 1990-е гг. по программе переселения этнических немцев. Тем не менее Стивенсон справедливо отмечает, что ни один из его информантов не может быть достаточно репрезентативным примером для того, чтобы делать выводы об опыте всех мигрантов, даже если бы все они прибыли из одной и той же страны. Опыт миграции, по мнению автора, определяется не только страной происхождения, но и такими немаловажными факторами, как возраст, гендер, социальный статус и, конечно, время и цель прибытия.

Отдельное внимание Стивенсон уделяет транснациональному и неустойчивому характеру современной миграции — миграция больше не одномоментное и окончательное действие, а повторяемая, «сериальная» практика, когда мигрант двигается из одного места в другое и затем в третье. Кроме того, миграция включает и случаи, когда движение происходит туда и обратно через национальные границы, например при наличии работы в одном государстве и постоянном месте проживания в другом.

Однако все мигранты, по мнению Стивенсона, будь то беженцы или бизнесмены, испытывают чувство инаковости в принимающей стране. Не в последнюю очередь это чувство вызвано тем, что в багаж, который мигрант привозит с собой, входит язык или, если быть более точным, набор языковых ресурсов, накопленный с течением времени и доступный с точки зрения языковой компетенции в разной степени. Весьма ограниченное владение немецким на момент приезда объединяет всех героев книги, и миграция также может быть рассмотрена не только как физическое перемещение через некую границу, но и перемещение в новый «языковой режим» (Р. 8) из старого. Среди вопросов, на которые отвечают истории в книге, — какое давление испытывают мигранты, прибывая в новый языковой мир?

Какие ограничения их языковой багаж накладывает на их возможности и какие возможности он одновременно с этим открывает? Вдохновленный различными антропологическими и музейными проектами, исследовавшими жизнь берлинцев на примере жителей типичных пятиэтажных домов Нойкёльна, Стивенсон решает ответить на эти вопросы, послушав истории обитателей одного из таких домов на Марештрассе, 74.

Следующая глава описывает Берлин как город притяжения мигрантов, где протекают различные миграционные процессы. Тем самым создается необходимый для четвертой главы контекст. Для миграционного портрета Берлина и Германии в целом важны как отношение принимающего сообщества к самому факту миграции, так и взгляд на нее со стороны государства. Стивенсон цитирует политиков, выразивших в свое время самое разное отношение к миграции — от миграции как одного из симптомов «болезни» Германии, наряду с падением рождаемости и ростом низшего класса, до ее принятия как неотъемлемой части всеобщего роста разнообразия. Стивенсон также весьма подробно обсуждает различные взгляды на то, кого относить к мигрантам или считать человеком с миграционным опытом, опираясь не только на статистические данные, но и на политический язык, используемый в отношении таких людей.

Вторая глава насыщена фотографиями различных мест Берлина, в числе которых торговый центр, вокзал, синагога и обычные жилые дома. В центре повествования — истории волн миграции и их репрезентация в городском пространстве Берлина. Опираясь на историю разных групп мигрантов и их взаимоотношения с Германией и немецким языком, Стивенсон отмечает искусственность представлений об этих группах как о неких общностях: на примере сначала богемских протестантов и гугенотов, затем евреев и поляков, турок и русских в Берлине автор показывает значительную внутреннюю неоднородность этих групп. Нынешние миграционные процессы и диверсификация Берлина также рассматриваются автором не как начавшееся внезапно явление, а как восстановление (“rediversification”) былого этнического, культурного и языкового разнообразия, нарушенного событиями первой половины XX в.

В третьей главе Стивенсон делает акцент на описании социолингвистических последствий миграционных процессов, а именно на противостоянии (или взаимодействии?) немецкого и других языков большого города. Сначала обсуждается «языковой вопрос», понимаемый как определенный набор отношений и представлений о языке и его роли в обществе. Стандартизация и унификация языка были одним из важнейших элементов национального строительства в Европе XIX в.

Установление единого общего языка на определенной территории (даже если его «носители» на самом деле совершенно не понимали друг друга) служило мощнейшим инструментом объединения. Во время холодной войны противостояние Западной и Восточной частей Германии также проходило по линии языка: каждая из сторон считала, что владеет более «правильным» вариантом языка, в то время как противоположная сторона этот язык «оскверняла».

Эти исторически обусловленные монолингвальные установки в дальнейшем повлияли и на ожидания немецкого общества от языкового поведения мигрантов. Согласно этим ожиданиям, общение на немецком — часть приемлемого поведения «хорошего гражданина», например в школах и других официальных пространствах. Стивенсон поднимает вопрос: если идеальный гражданин должен говорить на немецком, то должен ли он говорить на немецком везде? Автор подмечает противоречие между формальным отсутствием официальных ограничений на использование иных языков на игровых площадках и в других публичных пространствах и тем, что внимание сторонников скорейшей и бесповоротной интеграции обращено на то, говорят ли дети на немецком не только в школе, но и вне ее. Выбор не немецкого языка для общения в этих пространствах интерпретируется принимающим сообществом как акт неповиновения общественным установкам, но на деле является утверждением некоторой автономии и «упражнением в способности быть другим» (Р. 54).

Рассказав об особенностях мультязычия в Берлине, автор рассматривает, как ведется статистика языков в городе и что нам могут дать эти сведения. На протяжении всего параграфа Стивенсон ссылается на достаточно хорошо описанный языковой портрет Лондона, в котором не только ведется подсчет языков и их носителей благодаря подробным вопросникам переписей, но и сами языки наносятся на карту города¹, благодаря чему можно многое узнать о паттернах расселения разных групп мигрантов. В отличие от Лондона, Берлин в этом отношении исследован скудно, что связано с особенностями ведения миграционной статистики в Германии. Очевидно, для германского государства гораздо важнее страна происхождения мигранта, его социально-экономический статус и цель прибытия, чем родной язык. Те немногие статистические данные, что учитывают языковой аспект, касаются количества учащихся «инофонов» в немецких школах, но и здесь мы не увидим каких-либо подробностей о том, что же это за языки.

¹ См., например: Р. 62.

Однако Стивенсон подчеркивает, что при всей важности подобных сведений сужение личностей мигрантов до носителей определенного языка — практика по сути бессмысленная, ведь биографии людей и контексты их прибытия могут определять их языковые практики в не менее значительной степени, чем язык страны происхождения. Кроме того, продолжая основную линию книги, автор отмечает поверхностный характер таких данных — количество тех, кто указывает себя носителями того или иного языка, ничего не говорит нам об индивидуальных особенностях этих носителей и о том, как они используют эти языки в повседневной жизни. Владение языком — нестабильное явление. В течение жизни и под влиянием различных обстоятельств меняются не только сферы использования языка, но и языковой репертуар человека, о чем мы можем узнать, только выслушав биографические рассказы тех людей, чьи языки подсчитаны и наложены на городские карты.

Для этого Стивенсон и включает в монографию множество визуальных данных, иллюстрирующих многоязычие Берлина. В характерном для крупного города обилии вывесок, объявлений и надписей на стенах встречаются самые разные языки, помимо немецкого и достаточно распространенного в визуальном ландшафте многих интернациональных городов английского. Эти надписи, от афиш культурных мероприятий до рекламных объявлений, часто создаются мигрантами, и, будучи обращенными к соответствующим сообществам, не только выполняют свое прямое утилитарное назначение, но и передают мигрантам своеобразное послание, что те — желанные гости там, куда их приглашают.

Другая сторона визуального многоязычия — объявления от лица местных органов власти, чаще всего направленные на предотвращение различных нарушений местных норм и законов. Именно эти практики говорят о том, что языковая диверсификация Берлина понемногу принимается как данность: не только носители других языков адаптируются к новому языковому режиму, но и исходная языковая среда в некоторой степени адаптируется к постмиграционному многоязычию города. Кроме того, несмотря на то что, в отличие от Лондона, в распоряжении исследователей нет карт расселения носителей тех или иных языков в Берлине, именно такие визуальные знаки помогают понять, в каких районах города вероятность встретить носителей, к примеру, польского языка гораздо выше, чем в других.

Помимо визуальной репрезентации многоязычия, Стивенсон уделяет большое внимание тому, что языки мы прежде всего слышим. В повседневном обиходе мы встречаем как «чистую»

иноязычную речь новых мигрантов, так и регулярное переключение кодов тех, кто живет здесь уже давно и активно использует инструментарий всех известных им языков, чтобы передать свою мысль (вспомним про уже упоминавшиеся практики *translanguaging*). Однако немаловажной деталью звукового ландшафта Стивенсон считает городские мультиэтнолекты, на которых разговаривают молодые берлинцы, в том числе родившиеся в Берлине. Эти варианты немецкого языка, воспринимаемые принимающим сообществом то как «обогащение», то как «издевательство» над национальным языком, демонстрируют относительную устойчивость и занимают свое место даже в массовой культуре. Резюмируя, Стивенсон говорит о том, что его подход к исследованию многоязычия не ограничивается каталогизированием и всевозможными подсчетами. Для него гораздо важнее так называемый «опыт проживания языка» (то, что Бригитта Буш называет *Spracherleben* [Busch 2004]) или «жизненные миры» мигрантов. Тем самым автор плавно подводит нас к следующей главе, посвященной биографическим нарративам информантов. На протяжении всей третьей главы Стивенсон размышляет о том, как мигранты строят свои жизненные истории вокруг важнейших событий, в которых так или иначе задействован язык: от внезапной покупки ресторана благодаря подслушанному разговору до возвращения на малую родину с новой семьей и столкновения с тамошним изменившимся языковым ландшафтом.

Здесь же Стивенсон перечисляет исследовательские вопросы, на которые надеется найти ответы в интервью: как информанты определяют свои «жизненные миры»? Каковы индивидуальные и общественные силы, движущие динамику этих миров? Что это за важные события, которые направляют ход историй и формируют их структуры? Эти вопросы, как мы видим, не вполне характерны для социолингвистического исследования, и ответы на них автор ищет в свободных повествованиях рассказчиков, не задавая сами вопросы напрямую. Ответы на эти вопросы вполне могут не касаться языка или касаться его весьма опосредованно, и автор рискует, оставляя за информантами возможность самим структурировать свои повествования (хотя, безусловно, представить, что люди с миграционным опытом оставят свой языковой багаж за рамками нарративов о миграции, все-таки довольно сложно).

Последняя глава, в которой собраны рассказы героев книги, открывается экскурсом в историю застройки района Нойкёльн и заселения Берлина, стремительно меняющегося на протяжении долгого времени. Структура главы следует пространственной структуре выбранного автором дома — двигаясь с первого этажа дома на пятый, Стивенсон знакомит нас с уникальными

историями его обитателей, щедро поделившихся с ним своими историями миграции и связанного с ней «проживания языка».

Автор неоднократно упоминает, что его часто спрашивали о принципах выбора рассказчиков. Почему мы узнаем истории двух польских мигрантов, но не встречаем истории, например, обычной туркоязычной или арабоязычной семьи? Ведь Ферхат, с которым мы знакомимся на втором этаже, на самом деле оказывается курдом из Стамбула, чей ребенок в итоге осваивает курдский как семейный язык, родившись в Берлине. Был ли этот выбор информантов сделан для того, чтобы проиллюстрировать методологические размышления Стивенсона — во-первых, о том, что опыт двух мигрантов из одной страны исхода, говорящих на одном языке, может кардинально различаться ввиду множества разных обстоятельств (и судьбы Беаты и Марека это как нельзя более ярко демонстрируют)? Во-вторых, история Ферхата показывает, как важно видеть мигрантов не только выходцами из определенной страны исхода и тем более носителями определенного языка, ведь на деле оказывается, что даже жизнь в одной стране и владение одним и тем же языком могут представлять собой совершенно разный опыт. Или же на самом деле все гораздо проще и выбор связан лишь с тем, что Стивенсон был ограничен жителями одного дома, в котором просто не оказалось никого другого, чей опыт проживания языка он мог бы узнать во всех подробностях? В любом случае, получившиеся истории дают весьма обширное представление о языковом портрете типичного дома в *мультикультурном* (слово, которое используют и сами говорящие вслед за официальной риторикой) районе.

Знакомясь с приведенными отрывками из интервью и их анализом, можно заметить, что Стивенсон четко придерживался обещанных методов: говорящие сами структурируют свои рассказы, видимо, опираясь лишь на весьма общие вопросы, которые он задает (задает или вычленяет из получившихся рассказов важные для него сведения?), — те самые вопросы, которые мы встречали в предыдущей главе. За счет такой свободы сами нарративы оказываются весьма различны по своей структуре и расставленным акцентам. Иногда в рассказах «о жизни» было много самой жизни, весьма интересной и местами драматичной, но было мало *языка*, рассуждения о котором, по задумке Стивенсона, должны были красной нитью проходить через повествования говорящих. Хотя рассказы предсказуемо часто были связаны с ролью языка в поворотных моментах биографий, мне не хватило некоторых контекстуальных сведений, важных для погружения в проблемы языка и миграции. Например, в связи с ролью языка в жизни информантов, как мне кажется, стоило

бы включить в текст размышления об отношении к тому или иному языку, которое, вероятно, менялось с течением времени и наверняка изменилось после миграции. Кроме того, интересно было бы узнать о том, как местное окружение влияло на языковые практики рассказчиков в силу тех устоявшихся представлений о поведении «идеального мигранта», о которых шла речь в третьей главе. Между тем некоторые детали биографий, которые автор предпочел выделить, показались мне не совсем связанными с миграционным опытом говорящих, хотя и частично объясняющими их отношение к языку. Мы узнаем, например, о том, что мать и дядя Беаты, с которыми она выросла, не умеют хорошо проговаривать свои переживания (то, что Беата называет *Sprachproblem*), но нам до конца так и не становится ясно, что это за языковая проблема — связана ли она с тем, что семья Беаты не получила хорошего образования и не может тягаться в ораторских навыках с Беатой, работающей в сфере искусства? С тем, что в семье Беаты не было принято долго и открыто говорить об эмоциях? Или с чем-нибудь другим?

Одновременно с этим в том, как автор презентует некоторые биографические нарративы, не хватает необходимого для читателя контекста, хотя в самом начале книги Стивенсон обращается к студентам и исследователям, а книга насыщена объяснениями тех или иных базовых понятий, знакомство с которыми, казалось бы, ожидается от читателя, которого заинтересовала тема многоязычия в городе. Зачастую не хватает сведений и из более широкого социального контекста. Например, мы узнаем, что Ферхату удалось передать своему ребенку курдский, потому что миграция сняла с этого языка стигму, которую курдский долгое время носил в Турции, но не узнаем подробностей социальных и политических реалий, стоящих за рамками конкретной жизненной истории. Такие достаточно специфические знания о государственной языковой политике в стране исхода или отношении к языку в разное время, как мне кажется, скорее всего, незнакомы читателям, а потому исследователю стоило бы включить их в комментарии.

Нельзя при этом сказать, что более широких контекстуальных сведений не хватало во всех интервью. Некоторые рассказчики мастерски строили свои нарративы почти исключительно вокруг языка и погружали Стивенсона (а заодно и нас) в необходимые контексты там, где это было нужно. Экскурсы в историю взаимоотношений Вьетнама и Германии, например, весьма органично вплетались в повествование от лица Хоа, жительницы третьего этажа дома.

В последней части книги Стивенсон вновь напоминает читателям о цели своей работы: дать правдивую оценку того, как язык

формирует жизни людей, и того, как они используют свой языковой опыт для построения биографических нарративов. Автор указывает на трудность выбора тех, чьи повествования он в итоге решил включить в книгу, и упоминает множество других собеседников, с которыми познакомился в ходе работы. За рамками книги осталось множество историй и языков, рассказы о которых могли бы дать еще более обширное представление о языковом ландшафте Берлина.

В заключение Стивенсон рассуждает о важности биографического метода в исследовании языка, подчеркивая, что именно через биографические рассказы мы узнаем, как языковые репертуары влияют на жизнь носителей разных языков (особенно если речь идет о мигрантах), и выражает надежду на то, что его труд вдохновит исследователей на самостоятельное изучение многоязычия в городском пространстве.

Книга “Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives” будет весьма ценна для исследователей и всех, кто интересуется проблемами языковой политики и многоязычия в миграционном контексте. Подробные обзорные главы, посвященные истории миграции и разнообразия Берлина, а также визуальной и звуковой сторонам языкового ландшафта города, не только насыщены полезной и интересной информацией, но и удобно структурированы от теоретических размышлений автора к вопросам видимости многообразия в общественном пространстве.

Что касается важнейшей четвертой главы, то выбранный Стивенсоном метод (свободных) биографических интервью действительно оказался крайне удачным для понимания того, какую роль язык играет в жизни мигранта: не только языковой багаж влияет на нашу жизнь в новом языковом режиме, но и сам этот багаж претерпевает значительные изменения в ходе жизни, о чем нам зачастую сообщают информанты, рассказывая то, что, на первый взгляд, весьма отдаленно связано с языком.

Тем не менее содержание интервью и то, как автор их анализирует, вызывает вопросы. Что в конечном итоге было основной целью исследования: услышать истории о жизни и, вычленив из этих историй размышления о языке, понять, как язык определяет эту жизнь и влияет на ее поворотные моменты? Или же исследователь ставил перед говорящими задачу опираться на язык и его роль в биографиях этих людей, чтобы понять, как они строят свои нарративы вокруг роли языка в их жизни? Иными словами, отталкиваемся ли мы от биографии для исследования языка или от языка для исследования биографии и что из этого автор считает ядром «опыта проживания языка»? Кроме того, у меня сложилось впечатление, что автор не всегда

придерживается четких целей исследования и от места к месту задает очень разные вопросы к исследовательскому материалу, часто заново определяя и как будто напоминая читателю (или себе самому), в чем же состоит цель исследования.

Если в самом начале мы видим, что целью интервью и всего исследования было понять, как язык формирует биографии людей и определяет поворотные пункты в этих биографиях, то затем Стивенсон сообщает, что для исследования в том числе было важно то, как говорящие строят повествование, какие акценты расставляют и как описывают свой языковой опыт. Однако перед четвертой главой автор внезапно поднимает вопросы, на первый взгляд имеющие мало отношения к языку, и это снова сбивает с толку читателя, который изначально (от названия серии до третьей главы) был настроен узнать как можно больше именно о языке, вокруг которого разворачиваются жизненные сюжеты. Тем не менее автором все же выдерживается формат *социолингвистического* романа — рассказчики раз за разом возвращаются к теме языка в их жизни, даже если нам порой кажется, что нить повествования уходит от языка довольно далеко. Возможно, некоторая запутанность объясняется омонимией, которая (сознательно?) не снимается автором — в некоторые моменты не всегда понятно, что именно автор подразумевает под языком, например идет ли речь о языке национальном (польском, русском, немецком и т.д.) или же языком называется то, как люди говорят о своем жизненном опыте.

Большой ценностью работы является весомая аргументация важности лингвистических биографий для исследования языка. Хотя автор скромно указывает, что он далеко не первый, кто использует и продвигает этот метод, он также отмечает, что для исследования многоязычия в городском пространстве недостаточно статистики и подсчетов. Цифры и карты заставляют нас представлять носителей определенного языка как однородную группу, и эту поверхностность можно преодолеть, лишь услышав и проанализировав языковые биографии отдельных людей, чье физическое перемещение вдоль границ всегда сопряжено, по меткому выражению автора, с перемещением «из одного языка в другой».

Библиография

- Canagarajah S. Translanguaging in the Classroom: Emerging Issues for Research and Pedagogy // Applied Linguistics Review. 2011. No. 2. P. 1–28.
- Eversley J., Mehmedbegović D., Sanderson A., Tinsley T., von Ahn M., Wiggins R. Language Capital: Mapping the Languages of London's Schoolchildren. L.: CILT, 2010. 98 p.

- Extra G., Yagmur K. Language Diversity in Multicultural Europe: Comparative Perspectives on Immigrant Minority Languages at Home and at School. Management of Social Transformations Discussion 63. P.: UNESCO, 2002. 60 p.
- García O., Fishman J. (eds.). The Multilingual Apple: Languages in New York City. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. 374 p.
- Gogolin I. Stichwort: Mehrsprachigkeit // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2010. Bd. 13. Nr. 4. S. 529–547.
- Lewis G., Jones B., Baker C. Translanguaging: Origins and Development from School to Street and Beyond // Educational Research and Evaluation. 2012. Vol. 18. No. 7. P. 641–654.

Динара Степина

A Review of Patrick Stevenson, *Language and Migration in a Multilingual Metropolis: Berlin Lives*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017, 202 pp.

Dinara Stepina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
dsatanova@eu.spb.ru

The present book proposes a perspective of big cities as multilingual spaces despite the “monolingual habitus” of European metropolises. Even though urban linguistic diversity is widely considered a recent phenomenon due to the latest intensification of migratory movements, historical records indicate that many European cities have traditionally been at the heart of geographical mobility which has significantly shaped their linguistic landscapes. The book is an attempt to cover the two methodological lacunae in urban sociolinguistics using the example of Berlin: the invisibility of immigrant languages and the underrepresentation of language biographies in sociolinguistic research.

Keywords: urban multilingualism, linguistic landscape, sociolinguistics, migration, language biographies.

References

- Canagarajah S., ‘Translanguaging in the Classroom: Emerging Issues for Research and Pedagogy’, *Applied Linguistics Review*, 2011, no. 2, pp. 1–28.

- Eversley J., Mehmedbegović D., Sanderson A., Tinsley T., von Ahn M., Wiggins R., *Language Capital: Mapping the Languages of London's Schoolchildren*. London: CILT, 2010, 98 pp.
- Extra G., Yagmur K., 'Language Diversity in Multicultural Europe: Comparative Perspectives on Immigrant Minority Languages at Home and at School', *Management of Social Transformations Discussion 63*. Paris: UNESCO, 2002, 60 pp.
- García O., Fishman J. (eds.), *The Multilingual Apple: Languages in New York City*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002, 374 pp.
- Gogolin I., 'Stichwort: Mehrsprachigkeit', *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*, 2010, Bd. 13, Nr. 4, SS. 529–547.
- Lewis G., Jones B., Baker C., 'Translanguaging: Origins and Development from School to Street and Beyond', *Educational Research and Evaluation*, 2012, vol. 18, no. 7, pp. 641–654.